

Вступленіе Щепкина въ эту слагающуюся труппу было крупнѣйшимъ событіемъ въ исторіи московской сцены изучаемой эпохи. Въ лицѣ Щепкина труппа получала въ свою среду актера геніальнаго и притомъ не подающаго надежды, а уже находившагося въ расцвѣтѣ окрѣпнущаго дарованія, имѣющаго за плечами восемнадцатилѣтній сценическій опытъ и привыкшаго неустанно работать надъ усовершенствованіемъ своей игры и глубоко размышлять надъ сущностью сценическаго искусства.

Щепкину было 35 лѣтъ въ годъ переѣзда въ Москву. Любопытно, что Петръ Каратыгинъ, увидѣвшій Щепкина въ 1825 г., пишетъ, что Щепкинъ „выглядѣлъ благообразнымъ, кругленькимъ старичкомъ, живымъ, веселымъ, торопливымъ, иногда плутоватымъ“ ¹⁾. Разумѣется, до старости Щепкину было еще далеко, но свидѣтельство Каратыгина во всякомъ случаѣ указываетъ на то, что Щепкинъ казался старше своихъ лѣтъ. Несомнѣнно, этому способствовала рано обнаружившаяся въ организмѣ Щепкина склонность къ потучнѣнію. Въ письмахъ къ Сосницкому отъ 1825 и 1826 гг. Щепкинъ уже именуетъ себя „толстякомъ“, а въ письмѣ отъ 1830 г. онъ пишетъ Сосницкому про себя: „не забывай, что въ московской труппѣ есть небольшая *квадратная фигура*, которая удовольствіемъ считаетъ быть вѣчно твоимъ другомъ“ ²⁾. Весьма возможно, что эти постоянныя упоминанія о своей толщинѣ объясняются тѣмъ, что потучнѣніе беспокоило Щепкина, какъ препятствіе къ расширенію круга ролей, въ которыхъ онъ могъ бы являться на сценѣ. Упомянемъ кстати, что неблагодарный матеріаль отпустила Щепкину природа и въ отношеніи голосовыхъ средствъ. У него былъ голосъ жидкій и не гибкій: „въ три ноты“. Но какъ въ роляхъ, требовавшихъ подвижности и легкой живости, свойственный Щепкину темпераментъ побуждалъ его тучность, такъ и при выраженіи сложныхъ душевныхъ движеній Щепкинъ дѣлалъ чудеса своимъ „трехнотнымъ“ голосомъ, и шопотъ его бывало разносился по всему огромному Петровскому театру.

¹⁾ „Воспоминанія П. А. Каратыгина“.

²⁾ „Письма Щепкина къ Сосницкому“ въ *Русск. Старинѣ*, 1880 г., № 10.